

ТАБАЧНЫЙ И НИТОЧНЫЙ ТРЕСТЫ

(Из истории монополий в обрабатывающей промышленности России)

За последние два-три года в нашей исторической литературе, посвященной изучению эпохи империализма, появились новые работы и публикации по истории образования монополий в экономике России.¹ Но почти все они посвящены в основном деятельности уже более или менее известных монополий в металлургической, угольной, нефтяной промышленности России.

Деятельность монополистических объединений в многочисленных отраслях обрабатывающей промышленности изучена слабо. Между тем монополии, возникшие в результате концентрации промышленности при непосредственном участии и руководстве со стороны тех или иных банков или банковских групп, заправляли деятельностью почти всех ведущих отраслей обрабатывающей промышленности России: металлообрабатывающей и машиностроительной, текстильной, химической, пищевкусовой, силикатной.

В пределах данной статьи мы остановимся на образовании и деятельности монополий только в двух отраслях обрабатываю-

¹ В. И. Бовыкин, К. Н. Тарновский. Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России. Вопросы истории, 1957, № 2; П. В. Волобуев. Политика производства угольных и нефтяных монополий в России накануне первой мировой войны. Вестник Московского университета, Историко-филологическая серия, 1956, № 1; В. И. Бовыкин. Новые сведения о ранних монополиях в России. Там же; П. В. Волобуев, И. Ф. Гиндин. К истории концерна И. Стахеева. Исторический архив, 1957, № 3; Л. Е. Шепелев. О топливном голоде накануне первой мировой войны. Там же, № 1; В. И. Бовыкин. Монополистические соглашения в русской военной промышленности (по материалам сенаторских ревизий). История СССР, 1958, № 1, и т. д.

щей промышленности, изготовлявших товары широкого потребления, — табачной и ниточной.

Обе эти монополии действовали в форме трестов. Они возникли и проводили свою деятельность не на основе договорных отношений при сохранении большей или меньшей самостоятельности контрагентов, как это было в монополиях картельного и синдикатского характера. Все предприятия, входившие в табачный и ниточный тресты, были скуплены и поглощены трестами. Предприятия, слившиеся в тресты, полностью теряли свою самостоятельность. Тресты распоряжались всем имуществом предприятий, сокращали, увеличивали или совсем прекращали их производство, финансировали поглощенные предприятия, регулировали цены на выпускаемые ими изделия, руководили всей технической стороной производства, регулировали условия найма рабочих и т. д., т. е. по существу из предприятий, вошедших в трест, создавалось одно гигантское предприятие.

Табачный трест формально начал свое существование регистрацией, а затем и утверждением 2 сентября 1913 г. в Лондоне учредительного акта и устава общества табачных фирм под названием «Рашин табако компани лимитед» («The Russian Tobacco Company Limited»).² Но как видно из документов Русско-Азиатского банка — инициатора создания и руководителя треста, фактическая деятельность его началась с июля 1914 г. До этого времени, начиная с 1912 г., руководители треста вели подготовительную работу: скупали акции русских фабрик, вошедших в трест, вербовали плантаторов, создавали сбытовую организацию.³ Как только сведения об организации табачного «синдиката» проникли в печать, отдел неокладных сборов Министерства финансов запросил Отдел торговли Министерства торговли и промышленности о достоверности слухов относительно соглашения табачных фабрикантов. Поскольку Отдел торговли не спешил с ответом, такие запросы стали повторяться во все более настойчивой форме. В запросе от 31 января 1914 г., например, спрашивалось, направлено ли это соглашение к монополизации табачного производства и находится ли оно в связи с образовавшимся в Лондоне мировым табачным трестом.⁴

² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 231, лл. 117—119. Необходимость регистрации табачного треста именно в Англии, по-видимому, была вызвана простотой и легкостью регистрации там подобных организаций и сложностью этого дела в России в связи с существованием в русском законодательстве статей о «запрете» и «преследовании» монопольных организаций.

³ Там же, ф. 630, оп. 11, д. 664, л. 78.

⁴ Там же, ф. 23, оп. 14, д. 231, л. 48.

В ответ на этот запрос Министерство торговли и промышленности, несомненно знавшее об организации треста и его истинных целях и ставшее на сторону заправил треста — Русско-Азиатского банка и директоров табачных фабрик, ответило, что такое соглашение действительно заключено и что виной тому является тяжелое положение табачной промышленности. Закон 7 июня 1909 г., указывало министерство, значительно повысил акцизные ставки на табачные изделия. Министерство финансов полагало, повысив цены на табачные изделия, переложить тяжесть налога на потребителей табака, а не на промышленность. В действительности же вся тяжесть повышения акциза, указывалось в записке, легла исключительно на фабрикантов, потребитель же сократил покупки дорогих сортов табачных изделий и перешел на более дешевые сорта. Предприниматели ощутили острый недостаток оборотных средств, началась ожесточенная конкурентная борьба, завершившаяся образованием объединения табачных фабрик. Образование объединения, утверждалось в этой записке Министерства торговли и промышленности в Министерство финансов, не угрожает ни потребителям, ни торговле табачными изделиями.⁵

Так Министерство торговли и промышленности решительно встало на защиту интересов табачного треста. Это и не удивительно, так как инициаторами объединения табачных фабрик в трест являлись такие лица, как бывший министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев и директор Русско-Азиатского банка А. И. Путилов. Идею треста одобрял и министр финансов В. Н. Коковцов, являвшийся в 1913 г. также председателем Совета министров.⁶

История образования и деятельности табачного треста является ярким свидетельством тесной связи интересов виднейших представителей финансового капитала с представителями высшей сановной бюрократии и, как будет показано ниже, дворцовых сфер.

Возможность создания табачного треста подготавливалась еще с конца XIX в. всем ходом развития табачного производства в России, все большей его концентрацией на крупнейших табачных фабриках.

Из числа действовавших в 1883 г. 270 табачных фабрик к 1912 г. 151 фабрика прекратила свою деятельность. Но в то же самое время оставшиеся 119 предприятий в значительных размерах увеличили свою производительность.⁷

⁵ Там же, лл. 56, 57, 59. Сведениями о связи табачного треста России с мировым табачным трестом мы не располагаем.

⁶ Там же, оп. 12, д. 281, лл. 98—102 об.

⁷ Там же, оп. 14, д. 231, л. 57.

В 1900 г. в России насчитывалось 185 табачных фабрик. Число занятых на них рабочих составляло более 36 тыс. чел., годовая производительность всех предприятий — около 65 млн р. Все эти предприятия производили 3,6 млн пудов курительного табака, более 6 млрд папирос, 0,4 млрд сигар и 328 тыс. пудов нюхательного табака.⁸ Если рассмотреть, какой удельный вес имели вошедшие в 1913 г. в трест предприятия в общем производстве табачных изделий в 1900 г., то окажется, что на них было занято 30% всех рабочих, продукция их составляла 30% всей продукции табачных предприятий, в том числе по производству папирос — 50%.

К 1913 г. число рабочих на предприятиях, вошедших в трест, по-прежнему составляло около 30% общего числа всех рабочих табачной промышленности, но годовой оборот фабрик треста достигал уже 55 млн р., что составляло 50% оборотов всех табачных фабрик. Кроме того, русский рынок предъявлял табачной промышленности все больший спрос на папиросы. Если потребление курительного табака и в 1902 и в 1912 гг. выражалось в количестве около 1,3 млн пудов, то потребление папирос за это же время резко возросло — с 10 млрд штук до 22 млрд штук. Предприятия, вошедшие в трест, по производству папирос являлись самыми крупными и технически оснащенными в России. С 1900 по 1913 г. производство папирос на этих предприятиях возросло с 50 до 60% всего производства папирос в России.⁹

В 1909—1910 гг. положение табачных предприятий в связи с повышением акциза несколько пошатнулось. Предприниматели не хотели терять высоких дивидендов, составлявших ежегодно 8—10% на основной капитал. Начались лихорадочные поиски путей для сокращения издержек производства, понижения себестоимости товара и привлечения новых капиталов. Выход был найден в укрупнении существующих предприятий, в реорганизации единоличных предприятий с помощью банков в акционерные.

В 1910—1911 гг. из единоличных в акционерные общества и товарищества преобразовались все табачные фабрики Петербурга, табачные фабрики «В. И. Асмолов и К^о» в Ростове, М. А. Когена в Киеве, «Дукат» в Москве и мн. др. Как правило, все эти преобразования происходили при непосредственном участии банков, с этих пор живо заинтересовавшихся делами табачной промышленности. Банки оказывали табачным

⁸ Подсчитано автором по справочнику Министерства финансов: Список фабрик и заводов европейской России. СПб., 1903.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 662, лл. 2—3.

фабрикам краткосрочный кредит, и, кроме того, приобретали значительное количество акций этих предприятий. Все дальнейшие реализации новых выпусков акций табачных предприятий треста происходили при неперенном участии синдикатов русских и иностранных банков при руководящей роли Русско-Азиатского банка, получавшего от гарантии реализации выпуска и руководства синдикатами банков огромные барыши.¹⁰

Ускорило создание треста и то обстоятельство, что к 1913 г. произошло укрупнение ведущих предприятий будущего треста путем поглощения ими целого ряда предприятий табачной промышленности. Товарищество «А. Н. Богданов и К^о» в 1911 г. приобрело фабрику «Саатчи и Мангуби», товарищество «А. Н. Шапошников и К^о» в 1912 г. приобрело все пай товарищества «С. Габай» в Москве. Табачная фабрика «В. И. Асмолов и К^о» в Ростове-на-Дону в 1912 г. поглотила ростовские табачные фабрики бр. Асланиди и товарищества Я. С. Кушнарева. Оборот этих трех фабрик до объединения составлял 8,5 млн р., а после объединения, в 1913 г., достиг 12 млн р.¹¹

Особенно активно присоединяло к себе другие табачные фабрики товарищество «Лаферм». В 1911 г. оно приобрело петербургскую табачную фабрику «Оттоман», в 1912 г. — товарищество «А. Н. Богданов и К^о» в Петербурге и «Дукат» в Москве.¹² Директорами всех присоединенных фабрик были назначены директора фабрики «Лаферм». Оборот фабрики «Лаферм» в результате ее укрупнения возрос с 3,5 млн р. в 1902 г. до 14 млн р. в 1913 г., а вместе со всеми поглощенными фабриками — до 25 млн р.¹³

30 апреля 1912 г. общее собрание акционеров товарищества «Лаферм» постановило увеличить основной капитал с 3,5 до 15 млн р.¹⁴ Первая серия нового выпуска паев в 5 млн р. была реализована в 1912 г. синдикатом банков во главе с Русско-Азиатским банком и французским банком «Сосьете женераль» («Генеральное общество для содействия развитию торговли и промышленности во Франции» — «Société Générale pour favoriser le développement du commerce et de l'industrie en France»).¹⁵ Если в апреле 1911 г. Русско-Азиатский банк владел только 414 акциями товарищества «Лаферм», что составляло всего около

¹⁰ Там же, д. 1707, л. 1; там же, д. 464, лл. 33, 64, 87; там же, д. 1803, лл. 15 и 15а.

¹¹ Там же, д. 662, л. 3.

¹² Там же, ф. 23, оп. 14, д. 231, лл. 57—58.

¹³ ГИАЛО, ф. 1197, оп. 1, д. 211, л. 45.

¹⁴ Там же, л. 6. Выпуск новых акций на 11,5 млн р. должен был производиться 3 сериями, однако капитал был увеличен только до 8,5 млн р., так как 2-я и 3-я серии выпусков не были санкционированы правительством.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 464, л. 33.

^{1/50} части основного капитала товарищества,¹⁶ то в феврале 1913 г., после реорганизации и укрупнения товарищества «Лаферм» в «Акционерное общество русских табачных фабрик», Русско-Азиатский банк стал самым крупным акционером общества. В портфеле банка к этому времени находилось уже около ^{1/8} части всех акций общества.¹⁷

Товарищество «Лаферм» значительно расширило производство. В Петербурге на Васильевском Острове было построено 7-этажное здание нового фабричного корпуса, произведен ремонт старого фабричного корпуса, закончена постройка складов в Петербурге, Сухуми, Ялте, начато строительство новых складов.

Естественно, другие предприятия табачной промышленности, особенно в Петербурге, не были в состоянии выдержать конкуренции этого мощного акционерного общества, прибивавшего к рукам табачный рынок. Поэтому многие табачные фабрики России под угрозой разорения предпочитали присоединиться к объединению «Лаферм». Табачные фабрики — товарищества «Бр. Шапшал» в Петербурге, «Бр. Полякевич» в Варшаве, «Бр. Асланиди» в Ростове-на-Дону, «Бр. Коген» в Киеве, «Самсон» в Феодосии, «Дурунчу и Шишман» в Вильне, товарищества «Пастух» в Черкассах и другие — обратились в правление «Лаферм» с предложениями принять их в объединение.¹⁸

Между четырьмя группами табачных фабрик («А. Н. Богданов и К^о», «А. Н. Шапошников и К^о», «В. И. Асмолов и К^о» и «Лаферм») развернулась ожесточенная конкурентная борьба, стоившая им больших средств (расходы на рекламу, оригинальную упаковку и т. д.). Одно объединение яростно нападало на другое. В этой ожесточенной борьбе лободителем неизменно выходило объединение «Лаферм», называемое в газетах того времени «синдикатом».¹⁹

Результатом этой ожесточенной конкурентной борьбы явилось образование в сентябре 1913 г. табачного треста.

Первое предложение Русско-Азиатского банка в лице одного из его директоров М. Э. Верстрата группе «Лаферм» об учреждении в Англии общества «для приобретения большинства паев» как объединения «Лаферм», так и некоторых других табачных фабрик обсуждалось на заседании правления объединения «Лаферм» 6 марта 1913 г. Было решено не давать определенного ответа Верстрату до выяснения числа пайщиков, которые пожелали бы переменить пай «Лаферм» на пай нового

¹⁶ ГИАЛО, ф. 1197, оп. 1, д. 117, лл. 14, 15.

¹⁷ Там же, д. 317, лл. 2, 3.

¹⁸ Там же, д. 324, лл. 5, 6.

¹⁹ Там же, л. 17.

общества.²⁰ На заседании правления объединения «Лаферм» 10 июля 1913 г. выяснилось, что некоторые крупные пайщики не возражают против предложения Русско-Азиатского банка.²¹

25 сентября 1913 г. один из директоров объединения «Лаферм» М. А. Як составил памятную записку, из которой с предельной ясностью видна цель организации табачного треста. Очень четкие и наглядные вычисления автора убедительно показывают, что если до организации треста дивиденды акционеров составляли 8—11% на капитал, то после объединения 11 русских фабрик, в результате ликвидации конкуренции между этими крупнейшими табачными предприятиями, концентрации продажи изделий всех фабрик в руках специальной сбытовой организации треста, сокращения торговых расходов и поднятия цен на табачные изделия трест мог бы выдавать дивиденд около 25%. Кроме того, указывалось в записке, трест, помимо названных выше 12 предприятий, объединявших около 50% всего табачного производства в России и являвшихся хозяевами почти всего русского табачного рынка России за исключением Балтийского края, Польши и Юго-Западного края, должен приобрести также крупнейшие фабрики этих трех районов страны,²² что позволит тресту объединить в своих руках 70% общего производства табачных изделий, овладеть рынками сбыта табачных изделий по всей России и еще более увеличить прибыли треста. Уж тогда-то, указывалось в записке, объединив намеренные 70% производства табачных изделий, трест несомненно сможет перевести потребителя на более высокие цены.²³

Как указывалось в учредительном акте «Рашн табако компании», общество русских табачных фабрик в Англии учреждалось с целью: а) приобретения в России табачных плантаций, их развития и содействия увеличению площадей посева и улучшению культуры табаков; б) увеличения экспорта русских изделий за границу и покупки и продажи табаков как в сыром виде, так и в готовых изделиях; в) приобретения паев и покупки всякого рода табачных предприятий и открытия новых русских табачных фабрик в России и за границей и открытия табачных складов и лавок. Для этого, указывалось в этом документе, обществу уже удалось приобрести большинство паев обладающих самой высокой репутацией 11 русских табачных фабрик: «Лаферм», «Оттоман», «Богданов и К°»,

²⁰ Там же, лл. 8, 9.

²¹ Там же, л. 28.

²² В числе таких фабрик указывались фабрики Стамболи в Феодосии, Месаксуди в Керчи, Ноблесс и Полякевич в Варшаве, Шершевского в Гродно, Рутенберга и Майкапара в Риге, Попова в Одессе.

²³ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 661, лл. 84—89.

«Шапошников и К^о», «Бр. Шапшал» и товарищества «Колобов и Бобров» в Петербурге, «Дукат» и «Габай» в Москве, «Асмолов и К^о», «Бр. Асланиди» и товарищества «Кушнарев» в Ростове-на-Дону.²⁴

В августе—сентябре 1913 г. Русско-Азиатский банк образовал синдикат русских и иностранных банков для приобретения паев табачных предприятий на общую сумму до 5 млн р. Этот консорциум приобретал от 30 до 50% всех акций табачных фабрик, вошедших в трест. Доля русских банков (Русско-Азиатского, Петербургского частного коммерческого, Торгово-промышленного, Русско-Французского, Сибирского и Русского для внешней торговли) в синдикате составляла 70%, английских банкирских домов «М. М. Хэйс и К^о» (M. M. Haes and C^o), «Хиггинс и К^о» («Higgins and C^o»), «Джерс» («Gers») — 30%.²⁵

В марте 1914 г. Русско-Азиатский банк купил все остальные акции табачных фабрик.²⁶

Все акции табачных фабрик были обменены на шеры треста, основной капитал которого составлял 2,5 млн ф. ст. Взамен акций их владельцы получили на руки шеры треста.

В 1916—1917 гг. табачный трест увеличил свой капитал до 3,5 млн ф. ст. Реализацию нового выпуска шер согласно договора с трестом проводил Русско-Азиатский банк.²⁷ Этот выпуск 1 млн новых шер достоинством по 1 ф. ст. каждая был предпочтительным, или привилегированным.

Увеличение капитала было связано с тем, что трест продолжал активную деятельность по приобретению новых предприятий. По имеющимся у нас сведениям к 1917 г. трест приобрел табачные фабрики Стамболи в Феодосии и Дунаева в Ярославле.²⁸

Кроме табачного отдела, трест открыл бумажный отдел, т. е. пошел по линии вертикального комбинирования производства.

Для предприятий табачной, а особенно папиросной промышленности, нужно большое количество различных сортов бумаги для производства папиросных мундштуков и гильз, различных упаковочных средств (коробок, этикеток и др.). Поэтому трест занялся скупкой и поглощением писчебумажных фабрик России. В октябре 1915 г., например, трест приобрел большую часть

²⁴ Там же, д. 662, лл. 1, 2. Фабрика «Саатчи и Мангуби» почему-то в документе не упоминается.

²⁵ Там же, д. 661, лл. 55—58.

²⁶ Там же, д. 660, л. 6.

²⁷ Там же, д. 679, лл. 17, 18.

²⁸ Там же, л. 82—82 об.

акций акционерного общества Российской писчебумажной мануфактуры.²⁹

В результате весьма активной деятельности треста в сентябре 1917 г. в портфеле Русско-Азиатского банка на счете табачного треста уже находились контрольные пакеты акций и облигаций Ревельской, Черновской и Кошелевской писчебумажных фабрик.³⁰

Кроме табачных и бумажных фабрик, табачный трест в 1916 г. приобрел акции Российского акционерного общества печатного и издательского дела в Петрограде, быв. Э. И. Маркус. Хромо-литография этого общества должна была обслуживать нужды треста в художественном оформлении папиросных коробок и других упаковочных средств. По-видимому, на нужды треста также работала фабрика конвертов и картонных коробок А. И. Катлама в Москве.³¹

Всей деятельностью треста руководило правление, состоявшее из директоров Русско-Азиатского банка и директоров входивших в трест предприятий. Председателем правления табачного треста в 1913—1914 гг. являлся вице-председатель правления Русско-Азиатского банка М. Э. Верстрат. Правление треста собиралось на ежемесячные заседания в Лондоне. В России деятельностью треста управлял исполнительный комитет, выбиравшийся из тех же лиц. Директивы правления треста на предприятиях проводили в жизнь входившие в правление директора фабрик — члены правления треста и представители Русско-Азиатского банка, входившие в правление каждого предприятия. В 1913 г. Русско-Азиатский банк, организуя трест, заключил с директорами табачных предприятий соглашения, по которым они должны были обменивать акции фабрик на шеры треста, за что Русско-Азиатский банк гарантировал правлению каждой табачной фабрики определенное число мест в правлении треста в Лондоне и одно место в исполнительном комитете в России. В соглашениях также указывалось, что Русско-Азиатский банк через посредство треста обязуется предоставить директорам табачных фабрик большинство голосов на заседаниях правлений фабрик, но при условии «исполнения всех директив правления английского общества».³²

Так руководители треста достигали единства действий всех предприятий, входивших в трест, и самого точного выполнения директив правления треста по всем производственным вопросам. Внешне предприятия оставались самостоятельными. Все

²⁹ Там же, д. 675, л. 1.

³⁰ Там же, д. 159, л. 82—82 об.

³¹ ГИАЛО, ф. 1409, оп. 1, д. 129, лл. 21, 23, 29, 35, 66.

³² ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 660, лл. 3, 4, 7 и др.

они имели свою отчетность, списки акционеров, свои правления и т. д. Но по существу их деятельность была подчинена директивам треста.

Финансирование треста систематически осуществлялось Русско-Азиатским банком не только путем приобретения определенного числа шер треста и гарантий выпусков новых акций предприятий, входивших в трест,³³ но и путем открытия краткосрочных кредитов тресту. Так, в протоколе заседания правления Русско-Азиатского банка от 16 января 1917 г. отмечалось, что правление решило открыть английскому обществу кредит по корреспондентскому счету в размере 5.5 млн р. под обеспечение гарантированными правительственными процентными бумагами, акциями и паями табачных и писчебумажных фабрик.³⁴ В заседании правления Русско-Азиатского банка от 30 января 1917 г. было принято решение об открытии тресту дополнительного кредита на сумму в 4.5 млн р. на тех же условиях.³⁵

В финансировании табачного треста несомненно в каких-то размерах участвовал и иностранный, французский и отчасти английский, финансовый капитал, с которым Русско-Азиатский банк был очень тесно связан.

Кроме того, в финансировании табачного треста непосредственно принимали участие английские банкирские дома «О. А. Розенберг и К⁰», «Хэйс и К⁰», «Хиггинс и К⁰» и «Джерс».³⁶

Продажа всех изделий, производимых табачными предприятиями треста, осуществлялась посредством специально созданной сбытовой организации треста — Петербургского торгово-экспортного акционерного общества. Устав общества был утвержден 18 февраля 1914 г. Его основной капитал составлял 2 млн р.³⁷ В состав правления общества вошли те же лица, которые входили в состав правления треста: вице-председатель правления Русско-Азиатского банка — М. Э. Вердтрат, директор фабрики «Асмолов и К⁰» — Н. А. Гордон, директор фабрики «Дукат» — Б. И. Катлама, директор фабрики «Лаферм» — А. Р. Шпис, директор фабрики «Шапошников и К⁰» — И. И. Филиппович, член Государственного совета — В. И. Тимирязев. На место председателя правления был приглашен шта-

³³ Там же, д. 1803, лл. 13—15.

³⁴ Там же, д. 159, л. 30.

³⁵ Там же, л. 34.

³⁶ Там же, ф. 23, оп. 12, д. 281, л. 82 об.; там же, ф. 630, оп. 11, д. 661, лл. 55—58.

³⁷ Там же, ф. 23, оп. 12, д. 281, л. 7—7 об.

мейстер императорского двора Н. Ф. Бурдюков.³⁸ Последние два лица обеспечивали обществу покровительство придворных кругов.

Свои действия общество открыло 26 марта 1914 г. Можно предполагать, что Петербургское торгово-экспортное акционерное общество стало не только сбытовой организацией, но и исполнительной комиссией табачного треста в России. На это проливают свет два следующих обстоятельства. Во-первых, общество было организовано по инициативе Русско-Азиатского банка и почти все его акции принадлежали только двум акционерам — председателю правления табачного треста М. Э. Берстрату (4000 акций из 8000) и члену правления табачного треста — Н. А. Гордону (3650 акций).³⁹ Во-вторых, общество вмешивалось во все вопросы производственной деятельности табачных предприятий, входивших в трест: определяло размеры производства каждого предприятия, марки изделий, выпуск на рынок новых марок и т. д.⁴⁰

Из протоколов заседания табачной комиссии при Петербургском торгово-экспортном обществе видно, что общество открыло большое число контор на местах: в Екатеринодаре, Новороссийске, Майкопе, Сухуми, Тифлисе, Ялте, Кишиневе, Чернигове и т. д.⁴¹ Эти конторы по указаниям общества заключали торгово-комиссионные сделки с табачными плантаторами, с помощью специального штата покупателей закупали у плантаторов табак для переотправки его затем табачным фабрикам. Для хранения табака Петербургское торгово-экспортное общество имело на местах большое число табачных складов.

Производители табака — табачные плантаторы — находились в полной кабале у торгово-экспортного общества, так как последнее авансировало плантаторов на год вперед, и плантатор часто на невыгодных для него условиях должен был в силу соглашения отдавать обществу свой урожай табака.⁴²

В обязанность Петербургского торгово-экспортного общества входила также продажа изделий предприятий треста. О размахе деятельности треста свидетельствует тот факт, что только за 1915 г. торгово-экспортное общество продало 12 млрд штук папирос и 6 млн фунтов табака и выдало плантаторам авансов на 10 млн р.⁴³

³⁸ Там же, л. 82 об.

³⁹ Там же, лл. 4, 7, 72, 75.

⁴⁰ Там же, л. 82 об.

⁴¹ ГИАЛО, ф. 1409, оп. 1, д. 2, л. 1—1 об.

⁴² Там же, д. 1, лл. 1, 2.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 281, лл. 98—102 об.

В связи с приобретением табачным трестом предприятий в смежных отраслях промышленности — бумажной и полиграфической — Петербургское торгово-экспортное общество не ограничивалось только скупкой и продажей табачных изделий. В 1915 г. общество открыло два новых отдела — бумажный и рекламный. Занявшись посредничеством по продаже бумаги поглощенных трестом названных выше бумажных фабрик, общество уже в 1915 г. довело оборот бумажного отдела до 2 млн р. в год. Значительными были обороты и рекламного отдела, быстро развивавшего свою деятельность.⁴⁴

Русско-Азиатский банк предполагал использовать деятельность Петербургского торгово-экспортного общества и в других отраслях промышленности, финансируемых банком. В 1915 г. общество открыло сахарный отдел, обороты которого уже в 1915 г. достигли около 5 млн р.⁴⁵

В мае 1915 г. общество подало в Министерство торговли и промышленности прошение об увеличении основного капитала с 2 до 4 млн р.

Так был организован и проводил в России свою деятельность табачный трест, объединивший в своих руках производство и продажу около 40% всех сортов курительного табака⁴⁶ и до 60% всех сортов папирос.

* *

*

Ниточный трест в России являлся дочерним предприятием английского ниточного треста. Существование и деятельность треста в России лишней раз свидетельствуют о финансово-экономической, а следовательно, и политической зависимости царской России от империалистических стран Запада, о широком допуске иностранного капитала в экономику России, об экспансионистском его характере.

Еще в конце XIX в. существовавший в Англии ниточный трест, захвативший к этому времени в свое монопольное владение почти все рынки Западной Европы, обратил свои взоры на Россию. Страну заполнили сотни агентов — распространителей английских ниток. В это же самое время американская компания «Зингер» начала широкое распространение на русском рынке швейных машин. Возник огромный спрос на глянцевые

⁴⁴ Там же, л. 109—109 об.

⁴⁵ Там же, л. 117—117 об.

⁴⁶ Там же, лл. 61—68 об.

нитки в катушках, которые в России до этого времени почти не производились, а ввозились из Англии.⁴⁷

Надзор за распространением английских ниток на русском рынке из Англии был трудным делом. Поэтому руководители треста в 1890 г. добились права на постройку в Петербурге (по Выборгской набер., д. 19) ниточной фабрики. В действительности же это разрешение тресту нужно было для проникновения в ниточную промышленность России и поглощения существовавших в ней предприятий.

К началу 90-х годов XIX в. производством ниток в России занимались только 3 фабрики: товарищество Невской ниточной мануфактуры в Петербурге (набер. Б. Невы и М. Болотной ул.) с производительностью в 300 000 гросс швейных и 40 000 кг вязальных ниток, петербургская фабрика торгового дома Жукова (Боровая ул., д. 86), изготавливавшая до 94 000 гросс пряжи на катушках, и фабрика общества «Заверце» в Петроковской губ., изготавливавшая 19 800 кг ниток и чулочной бумаги.⁴⁸ Бумагокрутильных фабрик, на которых обычно возникает ниточное производство, в России не было.

Самой крупной из ниточных фабрик являлась существовавшая с 1827 г. Невская ниточная мануфактура. На нее и обратили свои взгляды заправила английского ниточного треста, намереваясь приобрести ее в свою собственность и превратить в форпост для завоевания русского рынка, что и было сделано в 1890 г. Невская ниточная мануфактура из предприятия, находившегося в единоличном владении жены статс-секретаря Н. М. Половцова, была превращена в товарищество, к ней была присоединена ниточная фабрика английского треста, строившаяся в Выборгской части. Основной капитал товарищества был увеличен до 12 млн р.⁴⁹

Дела товарищества Невской ниточной мануфактуры, приобретенной трестом, пошли блестяще. В течение 90-х годов XIX в. дивиденд пайщиков неизменно составлял 15—17%.⁵⁰

Управляло делами английского ниточного треста находившееся в Англии Центральное агентство в составе директоров 5 крупнейших фирм: «Дж. Брук и Бр.» («Jonas Brook and Bro») в Мелтеме, «Кларк и К^о» («Clark and C^o») в Пейсли, «Дж. Кларк мл. и К^о» («Jonas Clark Jun. and C^o») в Глазго,

⁴⁷ Русское слово, 1903, 27 сентября.

⁴⁸ Указатель фабрик и заводов европейской России. Сост. П. А. Орлов и С. Г. Будагов, изд. 3-е, СПб., 1894, стр. 40—45; Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-азиатских владений. Сост. П. А. Орлов, СПб., 1895, стр. 17, 18.

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 90, лл. 1, 37, 106—106 об.

⁵⁰ Там же, лл. 42 об., 53 и сл.

«Дж. и П. Коатс, лимитед» («J. and P. Coats, Limited») в Пейсли, «Листер и К^о, лимитед» («Lister and C^o, Limited») в Бредфорде.⁵¹

Мало-помалу всеми паями Невской ниточной мануфактуры завладела фирмы английского ниточного треста, в частности фирма «Дж. и П. Коатс». Число паев, находившихся в ее руках, с 1897 по 1900 гг. возросло с 3564 до 6783, а к 1908 г. достигло 7281.⁵²

В связи с широким распространением швейных машин и ростом спроса среди населения на швейные нитки в катушках, кроме 3 вышеуказанных ниточных фабрик, действовавших в 1890 г., к 1900 г. в России возникло еще 18. Все 21 ниточные и бумагокрутильные фабрики производили разных ниток на 12 769 700 р. Общее число занятых на этих предприятиях рабочих достигало 4576 чел. Мощность двигателей достигала 6163 л. с.⁵³ На 13 из этих предприятий вырабатывали швейные и вязальные нитки, бумажную пряжу, а на остальных 8 небольших бумагокрутильных фабриках — только вязальные нитки.

Самым крупным из 13 предприятий, вырабатывавших швейные нитки, по-прежнему являлось товарищество Невской ниточной мануфактуры. Производительность фабрики только по производству ниток достигала 4 280 000 р., вместе с переработкой пряжи общая производительность предприятия составляла 7 432 400 р. Число занятых рабочих составляло 1659 чел.⁵⁴

Вторым по величине предприятием по производству ниток в России к 1900 г. являлось основанное в 1890 г. товарищество Рижских бумажных мануфактур. Годовая производительность предприятия по выработке пряжи и швейных бумажных ниток на катушках достигала 1 316 200 р., число занятых рабочих — 602 чел.

Третьим по размерам производства предприятием к 1900 г. являлось акционерное общество Лодзинской ниточной мануфактуры. Оно производило швейных товаров всего на сумму 1 311 400 р., в том числе швейных ниток — на 806 700 р. Число занятых на мануфактуре рабочих достигало 968 чел.

Производство ниток продолжала уже известная нам фабрика акционерного общества «Заверце» в Петроковской губ. Она производила ниток всего на 577 000 р.

⁵¹ ГИАЛО, ф. 1436, оп. 1, д. 64, л. 47.

⁵² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 90, лл. 51, 87, 113.

⁵³ Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом за 1900 год. Ред. В. Е. Варзар, СПб., 1903, стр. 2.

⁵⁴ Министерство финансов. Список фабрик и заводов европейской России, СПб., 1903, стр. 35. В дальнейшем все сведения о фабриках, производящих нитки, за 1900 г. приводятся по этому источнику.

Производством ниток, приносившим большие прибыли, стали заниматься владельцы крупнейших русских бумагопрядильных и ткацких фабрик. Так, к 1900 г. компания Богородско-Глуховской мануфактуры Захара Морозова (Московская губ.) стала производить швейных ниток на 289 800 р., товарищество Ярцевской мануфактуры Хлудова (Саратовская губ.) — на 279 200 р., товарищество Никольской мануфактуры «Савва Морозов, сын и К^о» — на 53 100 р. в год. В дальнейшем производство ниток, в частности на морозовских фабриках, еще более увеличилось, и их нитки создали себе широкую известность и приобрели прочную клиентуру.

Мелкие бумагокрутильные и ниточные фабрики не могли составить серьезной угрозы для Невской ниточной мануфактуры. Их легко можно было подчинить своему влиянию, а в противном случае — разорить введением более низких цен в районах их сбыта. Но названные выше крупные фабрики по производству ниток составляли для Невской ниточной мануфактуры, т. е. английского ниточного треста, серьезную угрозу. Поэтому вся история деятельности Невской ниточной мануфактуры есть история поглощения ниточных предприятий России трестом и непрерывной ожесточенной борьбы с конкурирующими предприятиями, не вошедшими в трест или не попавшими под его влияние.

Прежде всего английским трестом было поглощено акционерное общество Лодзинской ниточной мануфактуры. Оно было основано в 1897 г. группой польских предпринимателей. Но с первых же дней существования общества дела его пошли далеко не блестяще. Рынки сбыта уже находились в руках Невской ниточной мануфактуры и цены, которые общество получало за нитки, как отмечалось на заседаниях совета и правления общества в конце 1897 и начале 1898 гг., не давали никакой прибыли из-за конкуренции Невской мануфактуры. На этих же заседаниях отмечалось, что пока общество производит небольшое количество товара, Невская ниточная мануфактура еще позволяет ему сбывать свои нитки второстепенным фирмам, но как только будет пущена в ход новая прядильня, необходимая для производства швейных ниток в увеличенном размере, борьба с трестом будет для общества тяжелой и убыточной.⁵⁵ И действительно, в начале 1898 г. общество вынуждено было понизить цены с 6 р. 40 к. за гросс до 5 р. 90 к. В результате переговоров с английским трестом обществу было предложено заключить с трестом договор, по условиям которого общество должно было в значительных размерах сократить производство,

⁵⁵ ГИАЛО, ф. 1436, оп. 1, д. 130, лл. 1—13 об.

что было равносильно закрытию предприятия. И уже на заседании совета и правления 8 июня 1900 г. совет общества был ликвидирован, продажа всех изделий общества была передана Невской ниточной мануфактуре. Председателем правления общества был назначен член правления Невской ниточной мануфактуры Б. О. Буклей.

Так акционерное общество Лодзинской ниточной мануфактуры в 1900 г. было поглощено английским ниточным трестом. Уже 4 мая 1900 г. один из агентов Лодзинской ниточной мануфактуры писал в ее Московское отделение из Ельца, что о соглашении с Невской мануфактурой и о снятии запрета торговать нитками Лодзинской фабрики знали торговцы во всех городах раньше, чем он их посетил и что о полном слиянии Лодзинской фабрики с Невской ниточной все говорят как о совершившемся факте. Это поглощение немедленно ознаменовалось, как сообщал тот же агент, ростом цен на нитки всех марок: с 10.5 до 11.2 к. на катушку ниток марки «Медведь», с 9.6 до 10.4 к. на катушку марки «Лопата», с 9 до 9.6 к. на катушку марки «Ружье», с 8.8 до 9.6 к. на катушку марки «Ножницы», с 8 до 9 к. на катушку марки «Жук».⁵⁶

Уже к 1906 г. большая часть акций Лодзинской мануфактуры принадлежала П. Коатсу. Фабрика была полностью реорганизована для нужд треста; был сокращен весь управленческий аппарат, уменьшено число коммивояжеров, служащих. В апреле 1907 г. правление фабрики было переведено в Петербург, т. е. фактически слилось с правлением Невской ниточной фабрики, в состав правления вошел председатель правления Невской ниточной мануфактуры Б. В. Миквиц, ставший в 1910 г. вместо Б. О. Буклея председателем правления Лодзинской мануфактуры.⁵⁷

Вслед за Лодзинской мануфактурой трест таким же образом поглотил товарищество Рижских бумажных мануфактур в Страденгофе. К 1908 г. Рижская мануфактура уже являлась собственностью ниточного треста. В частности, когда капитал рижских фабрик в 1908 г. был увеличен до 1800 000 р., то новые пай общества выдавались в правлении товарищества Невской ниточной мануфактуры.⁵⁸ В Петербурге к 1908 г. ниточный трест, уже имевший с 1890 г. 2 предприятия — «Ниточную первую» (М. Болотная ул., д. 12) и бумагопрядильную и ниточную фабрику «Невка» (Выборгская набер., д. 19), поглотил еще два: компанию Невской бумагопрядильной ману-

⁵⁶ Там же, д. 3653, лл. 13, 14.

⁵⁷ Там же, д. 130, лл. 74, 75, 88.

⁵⁸ Там же, д. 109, л. 40 и об.

фактуры (М. Болотная ул., д. 10), вырабатывавшую бумажную пряжу для ниточных фабрик треста, и приобретенную в 1907 г. бумагопрядильную мануфактуру «Л. Л. Кениг» (по Лифляндской ул., д. 1—3), ставшую бумагопрядильной и ниточной фабрикой треста, так называемой «Ниточной второй».

Таким образом, можно считать, что к 1907 г. поглощение крупнейших ниточных и бумагопрядильных фабрик России трестом было завершено. 10 мелких и средних бумагопрядильных и крутильно-ниточных фабрик прекратили свое существование. Было ликвидировано и крупное акционерное общество «Заверце».

К 1913 г. в России существовало 30 ниточных и бумагокрутильных фабрик, причем 18 из них являлись мелкими бумагопрядильными и бумагокрутильными фабриками, не изготовлявшими швейных ниток. Из остальных 12 предприятий крупнейшими были 6 фабрик ниточного треста.

Как основным капитал, так и стоимость выпускаемой всеми 30 ниточными и бумагокрутильными предприятиями России продукции достигали более 40 млн р., энерговооруженность предприятий — 27,5 тыс. л. с., число занятых рабочих — около 15 тыс. чел.⁵⁹ Шесть предприятий из этих 30 принадлежали ниточному тресту. Это были самые крупные предприятия ниточного и бумагокрутильного производства. Их основной капитал достигал 35 млн р., стоимость выпускаемой продукции — 26 млн р., число занятых рабочих — 11 тыс. чел., энерговооруженность предприятий — 25 тыс. л. с.

Таким образом, в 1913 г. удельный вес предприятий треста в ниточном и бумагокрутильном производствах России составлял около 73% по числу рабочих, 87% по основному капиталу предприятий, 65% по стоимости выпускаемой продукции и более 90% по энерговооруженности предприятий.

Контрольные пакеты акций всех 6 крупнейших ниточных фабрик России находились в руках ведущей фирмы английского ниточного треста — «Дж. и П. Коатс». Из 24 000 акций Невской ниточной мануфактуры на 20 сентября 1913 г. Коатсам принадлежали 13 284, И. Т. Гирсту — 1857 акций, фирме «Дж. Брок с бр.» — 575 акций и т. д. К 1916 г. капитал Невской ниточной мануфактуры увеличился до 30 млн р., из которых Коатсам принадлежали 14 582 тыс. р., т. е. 14 582 акции, фирме «И. Брок с бр.» — 1150, И. Т. Гирсту — 1726, и т. д.⁶⁰

⁵⁹ Подсчитано по справочнику Совета съездов представителей промышленности и торговли «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» (изд. 2-е, Пгр., 1914).

⁶⁰ ГИАЛО, ф. 1436, оп. 1, д. 418, лл. 36—43, 76.

Из 1800 акций Рижской фабрики фирме «Дж. и П. Коатс» на 25 мая 1911 г. принадлежали 840, фирме «Дж. Брок с бр.» — 172. К июню 1911 г. из 4000 акций Лодзинской ниточной мануфактуры 1950 принадлежали фирме «Дж. и П. Коатс». В 1916 г. из 7500 акций Невской бумагопрядильной мануфактуры фирма «Коатс» владела 4902 акциями.⁶¹ Так как трест скрывал от русского правительства, формально преследовавшего монополии, и от русского общества факт монополизации русского ниточного рынка, все эти предприятия юридически числились самостоятельными товариществами или акционерными обществами с собственными списками акционеров, собственным составом правлений, собственной официальной отчетностью. На самом деле все они не имели никакой самостоятельности и после слияния составляли одно большое предприятие — ниточный трест. Производство и сбыт всех предприятий треста до последних мелочей регламентировались как Центральным агентством, состоявшим, как уже указывалось выше, из директоров английских фирм, так и фирмой Коатс — ведущей из этих 5 фирм треста.

Центром управления всеми предприятиями треста в России была Невская ниточная мануфактура и, в частности, председатель ее правления Б. В. Миквиц, являвшийся простым служащим фирмы «Коатс». Б. В. Миквиц в то же время являлся или председателем или членом правления всех русских ниточных фабрик, поглощенных трестом.

Только с Невской ниточной мануфактурой вели Коатсы и Центральное агентство переписку, требуя, чтобы Невская ниточная мануфактура о всех решениях треста сама доводила до сведения всех других предприятий треста и чтобы все они обращались со всеми нуждами к Невской ниточной мануфактуре, которая в свою очередь должна была передавать их Коатсам и Центральному агентству.⁶² При этом заправила треста старались скрыть истинный характер своих отношений с поглощенными трестом фабриками. 3 октября 1913 г. генеральный директор фирмы «Коатс» Филиппи напоминал Миквицу, что в письмах, которыми они обмениваются, часто употребляются «неподходящие» выражения, вроде «решения, принятые Коатсами», или «инструкции» и т. д. Письма должны носить, указывал Филиппи, такой характер, чтобы из них было видно, что «вы просите нашего совета и услуг, а мы даем вам советы относительно ведения вашего дела».⁶³ В действитель-

⁶¹ Там же, лл. 11—20, 94—95 об.

⁶² Там же, д. 127, л. 118.

⁶³ Там же, д. 334, лл. 266—267.

ности же письма фирмы «Коатс» Невской ниточной мануфактуре являлись не дружескими советами, а прямыми указаниями и инструкциями по проведению в жизнь решений Коатсов и Центрального агентства.

Все отчеты 6 фабрик посылались Невской ниточной мануфактуре, которая отсылала их в Глазго в Центральное агентство, тщательнейшим образом их изучавшее и присылавшее свои замечания товариществу Невской ниточной мануфактуры.⁶⁴ Так, в письме от 28 сентября 1905 г. Центральное агентство писало, что оно очень огорчено тем, что только теперь Невская ниточная мануфактура нашла возможность увеличить производство еще на 15%. Центральное агентство объясняло свое требование увеличения производства невозможностью поставок ниток из Англии. Варшавским агентам Центральное агентство требовало сообщить, что они не должны требовать новых партий товара, а должны с наибольшей выгодой продавать то, что им посылают.⁶⁵

В октябре 1908 г. Коатсы писали Невской ниточной мануфактуре о том, что качество изделий Невской бумагопрядильни не отвечает их требованиям (марки «Экстра», «Красная» и др.). Невская ниточная мануфактура категорически потребовала от Невской бумагопрядильни улучшения качества производства.⁶⁶

Центральное агентство и фирма «Коатс» определяли себестоимость производимого товара. В конце 1913 г., например, переписка между Центральным агентством и Коатсами, с одной стороны, и Невской ниточной мануфактурой — с другой, свидетельствовала о резком повышении себестоимости производимых ниток. Это сильно взволновало владельцев треста, и Филиппи в письме к Миквицу потребовал тщательного расследования всего этого дела.⁶⁷

В Глазго составлялись протоколы общих собраний акционеров и решения этих собраний по поводу всех статей отчета с указанием размеров дивидендов. Затем эти протоколы пересылались Невской ниточной мануфактуре, а последней — всем другим фабрикам, подписывались правлением и принимались к сведению.⁶⁸

Самым ярким свидетельством общности производства всех ниточных фабрик треста являлась наклейка на изделия этих фабрик этикеток любой из фабрик треста: если, например, Невская фабрика не успевала изготовить нужного количества

⁶⁴ Там же, оп. 1, д. 184; там же, дд. 420, 158, 161, 156, 84, 388.

⁶⁵ Там же, д. 186, л. 112.

⁶⁶ Там же, лл. 2—6, 36—43.

⁶⁷ Там же, д. 250, лл. 2, 5—6, 8—10.

⁶⁸ Там же, д. 388.

ниток для отправки их на польский рынок, она посылала Лодзинской фабрике свои этикетки, и последняя наклеивала их на свои катушки и продавала как изделия Невской фабрики.⁶⁹

Все члены правления, служащие и мастера 6 фабрик назначались и увольнялись Центральным агентством и фирмой «Коатс». Так, 16 февраля 1900 г. в письме Невской ниточной мануфактуре предлагалось убрать с должности управляющего этой мануфактурой Ридделя, так как он предъявляет чрезмерные требования в смысле оплаты своего труда.⁷⁰ Центральное агентство, о чем также имеется ряд писем, само определяло не только штат своих служащих в России, их заработки, но и регламентировало срок их отпусков, размеры заработков и длину рабочего дня рабочих фабрик треста.⁷¹

Фирма «Коатс» полностью осуществляла техническое руководство работой всех фабрик треста, присылала из Англии на время для особенно важных работ по расширению предприятий своих инженеров. Все фабрики треста в России были оборудованы английскими прядильными и крутильными веретенами заводов Коатсов в Фергюсли.⁷²

Приведенные выше сведения с полной очевидностью свидетельствуют о том, что производство всех 6 предприятий треста было общим. Направлялось и контролировалось оно Центральным агентством английского ниточного треста из Глазго.

Такой же общностью характеризовался и сбыт товаров русских предприятий треста. С самого момента своего основания Невская ниточная мануфактура начала закупку земель, постройку складов для товаров и открытие своих отделений по сбыту ниток во всех районах страны: в Гельсингфорсе и Тифлисе, Варшаве и Владивостоке, Ташкенте и Томске. Всего к 1913 г. у треста на территории России имелось 22 отделения.

Обороты всех отделений треста вместе с ростом производительности предприятий треста все возрастали. Так за 1908—1909 гг. обороты 14 существовавших отделений составляли 21.6 млн р. Самым крупным потребителем ниток являлась Москва с районом. Обороты одного Московского отделения достигали 4.7 млн р. Вторым по величине потребителем ниток с 1908—1909 г. являлся Киев с районом (2.3 млн р.), третьим — Петербург (1.8 млн р.).⁷³

За 1912—1913 гг. обороты 21 отделения треста достигли около 30 млн р. Самыми крупными потребителями ниточного

⁶⁹ Там же, д. 190, лл. 43—48 об.

⁷⁰ Там же, д. 132, лл. 1—2.

⁷¹ Там же, д. 334, лл. 13, 18, 48, 49, 68.

⁷² Там же, д. 3346, л. 306; д. 128, л. 152.

⁷³ Там же, д. 3343, лл. 3—80.

товара по-прежнему оставались Москва, Киев и Петербург с районами.⁷⁴

В 1916—1917 гг. обороты всех 22 отделений треста достигли уже 48.5 млн р., причем обороты по продаже ниток только в одной Москве с районами достигли 9.5 млн р., в Петербурге — 9.1 млн р., в Киеве — 5.2 млн р., в Харькове — 5.5 млн р. и т. д.⁷⁵ При оценке этих данных, конечно, должно быть принято во внимание падение покупательной силы рубля за годы войны.

По сообщению в Министерство торговли и промышленности одного из директоров конкурировавшей с ниточным трестом товарищества Петербургской ниточной мануфактуры,⁷⁶ бывшего секретаря Витте — Гурьева, произведенное им расследование всей постановки торгового дела треста путем опроса закабаленных трестом торговцев галантерейным товаром свидетельствовало «о существовании в России совершенно исключительной торговой организации, не имеющей себе подобного ни в одной другой отрасли торгового дела».⁷⁷

Все конторы общества, сбывающие товар треста, были также подведомственны через правление Невской ниточной мануфактуры Центральному агентству и фирме «Коатс». Из Англии шли все распоряжения об организации торговли, там утверждались все цены на нитки и условия продажи ниточного товара всеми отделениями треста.⁷⁸

Можно с полной уверенностью сказать, что почти все оптовые и розничные торговцы галантерейным товаром в России в области продажи ниток с момента организации треста находились в его руках. Потребитель требовал ниток, они составляли львиную долю галантерейного торгова, а нитки можно было получить только у ниточного треста, отделения которого снабжали нитками всех торговцев России. Если торговец вел себя «добропорядочно», т. е. не торговал нитками конкурентов треста, он получал в виде награды известную скидку с цены — «бонус» и таким образом мог получить большую прибыль.⁷⁹

⁷⁴ Там же, д. 3615, лл. 1—96.

⁷⁵ Там же, лл. 5—104. Размеры оборотов по продаже ниток по городам всюду даны с районами. Район — очень широкое понятие. Например, по данным Невской ниточной мануфактуры, Петербургский район охватывал Петербург с губернией, Эстонию, Псков, Новгород, Олонец, Архангельск, Витебск с губерниями (там же, д. 3703, лл. 2—12).

⁷⁶ Об учреждении этого предприятия см. ниже, стр. 80.

⁷⁷ ГИАЛО, ф. 1436, оп. 1, д. 190, лл. 43—48 об.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

Для присмотра за соблюдением торговцами всех правил торговли нитками, предписанных трестом, а также для наблюдения за сбытовой деятельностью конкурирующих фабрик у треста существовал целый штат разъездных агентов и ревизоров. Раз в две недели агенты обходили все галантерейные лавки закрепленного за ними участка и писали в соответствующее отделение подробнейшие донесения о состоянии рынка. Так, например, агент Петербургского отделения В. Смирнов 5 мая 1908 г. сообщал, что покупатели избегают продукции Невской ниточной мануфактуры и всего треста. Ряд торговцев, продающих нитки треста, жаловались В. Смирнову, что у Невской ниточной мануфактуры нет катушек цвета «хаки», в то время как у Морозовых они имеются в различных оттенках. Чулочницы, берущие чулочную бумагу, были недовольны качеством чулочной бумаги фабрик треста. Покупатели Лиговского района жаловались на низкое качество катушек «Ножницы» (изделие Рижской фабрики).⁸⁰ В декабре 1909 г. тот же агент сообщал, что он делал попытки привлечь на сторону треста продавца ниток Саввы Морозова марки «Челнок» С. И. Мологина. Мологин дал согласие начать торговать нитками треста через 13 месяцев на 5 тыс. р. в год. У С. Морозова он получает нитки со скидкой 15 %, что дает ему хороший заработок.⁸¹

В ведомости от 24 февраля тот же В. Смирнов сообщал, что сбыт торговцами чулочной бумаги все ухудшается из-за чрезмерно высоких цен. Покупатели начинали покупать бумагу у конкурентов треста — Петербургской ниточной мануфактуры, «Клочкова и К^о» и др.⁸²

В каждой из таких ведомостей — отчетов агентов — имеются сведения о продаже конкурирующих фабрик на участке данного агента. 9 марта 1910 г. тот же агент писал, что фирма «Захар Морозов» делает все возможное, чтобы «поставить свою катушку „Топор“ на твердую ногу на петербургском рынке», но что пока это ей не удается. 30 марта 1910 г. этот же агент сообщал, что ему удалось добиться того, что три торговца (И. В. Первов, М. И. Никитина и В. И. Дмитриева) дали твердое обещание не продавать более бумажных ниток конкурирующей Петербургской ниточной мануфактуры. 26 апреля 1910 г. этот же агент сообщал, что он посетил торговца И. Мейтина на Забалканском пр., торгующего исключительно нитками конкурентов — Викулы Морозова и Петербургской ниточной мануфактуры. Сделаться торговцем треста Мейтин со-

⁸⁰ Там же, д. 3693, лл. 236—237, 246.

⁸¹ Там же, лл. 275—277.

⁸² Там же, лл. 293—294.

глашался только в том случае, если трест предоставит ему скидку.⁸³

На основании таких донесений агентов отделений ниточного треста составлялись ведомости о состоянии рынка и пересылались Невской ниточной мануфактуре. Из таких ведомостей за 1916 г. видно, что ниточный трест являлся почти безраздельным хозяином ниточного рынка на территории всей России и что из оставшихся к этому времени конкурирующих предприятий Саввы и Викулы Морозовых конкуренция ощущалась только в окрестностях Москвы.⁸⁴ Эти рапорты отделений о состоянии рынков России отсылались в Англию Центральному агентству, которое, изучив эти сведения, присылало Невской ниточной мануфактуре подробнейшие указания о торговой политике треста во всех районах России.

По свидетельству конкурентной ниточному тресту Петербургской ниточной мануфактуры, торговцы ниточным товаром треста находились у треста в настоящей кабале. Представители самых крупных оптовых фирм с миллионными оборотами, торговавших суровыми нитками, заявляли Петербургской ниточной мануфактуре: «Если бы ваш товар был вдвое хуже и вдвое дороже Коатса, то все-таки мы с наслаждением перешли бы к вам, но нас держат в таком положении, что если бы вы завтра утром подбросили нам в подарок великолепный товар, то мы на свой счет наняли бы людей, чтобы оттащить его по крайней мере на 100 сажен от нашего склада».⁸⁵

С немногими своими конкурентами ниточный трест расправился самым решительным образом.

В Петербурге в период возникновения Невской ниточной мануфактуры существовала крупная ниточная фабрика Жукова. Уже в письме от 21 мая 1891 г. Центральное агентство указывало Невской ниточной мануфактуре на необходимость купить эту фабрику, а ее оборудование перевести на уже существующие фабрики треста, чтобы Невская ниточная мануфактура стала в Петербурге хозяином рынка. Если сейчас, указывалось в письме, выручка Невской ниточной мануфактуры составляет в Петербурге 7—8 млн р., то с ликвидацией дела Жукова ее прибыли возрастут на 5%. Предлагалось немедленно купить дело Жукова, так как позже трудно будет перевести рынок с низких цен на более высокие.⁸⁶ Ниточная фабрика Жукова была поглощена ниточным трестом.

⁸³ Там же, лл. 296, 303 и об., 308—310, 341.

⁸⁴ Там же, д. 2968, лл. 3—50.

⁸⁵ Там же, д. 190, лл. 43—48 об.

⁸⁶ Там же, д. 63, лл. 74—77, 100—101.

В октябре 1906 г. в Петербурге Ф. Р. Витцелем и Э. В. Полищем было образовано товарищество Петербургской крутильной фабрики. Оба учредителя товарищества до этого длительное время работали на фабриках ниточного треста и имели полное представление о ниточном производстве. В 1908 г. по инициативе присоединившегося к ним бывшего секретаря министра финансов Витте — А. Н. Гурьева было основано и начало свою деятельность товарищество Петербургской ниточной фабрики с основным капиталом в 101 тыс. р.⁸⁷

Учредители товарищества прекрасно знали, что без согласия ниточного треста доступ ниток их фабрики на рынок будет закрыт и предприятию угрожает полный крах. Поэтому накануне открытия деятельности Петербургской ниточной фабрики в письме от 10 декабря 1907 г. в правление Невской ниточной мануфактуры А. Н. Гурьев просил уступить товариществу Петербургской ниточной мануфактуры долю рынка, соответствующую 1—2% продукции фабрик треста. В этом же письме товарищество предлагало Невской ниточной мануфактуре принять на себя продажу его изделий торговыми организациями треста по пониженной цене и сообщало, что оно не посягает на интересы треста и готово на любое с ним соглашение.⁸⁸

В ответ на это письмо Б. Миквиц ответил А. Н. Гурьеву, что никаких соглашений с товариществом Петербургской ниточной мануфактуры они заключать не будут, что ниточное дело в России никем не монополизировано, что, кроме фабрик Невской ниточной мануфактуры, нитки на несколько миллионов рублей производятся на самых крупных предприятиях по обработке хлопка — трех фабриках Морозовых.⁸⁹

В ответ на это письмо Б. Миквица А. Н. Гурьев сообщил в письме от 29 декабря 1907 г., что так как трест отказывается от мирного соглашения с Петербургской ниточной мануфактурой в смысле определения для нее доли участия в производстве, то последняя намерена поднять войну против монополии английского ниточного треста на русском рынке. Далее А. Н. Гурьев раскрывал план наступления Петербургской ниточной мануфактуры на рынке и перечислял все мероприятия, которые она намерена провести в борьбе с английской монополией в ниточном деле: «В нашей борьбе, — писал Гурьев, прикинувшись патриотом, — мы будем просить защиты и помощи от правительства, парламента, печати, общественного мнения и всего русского общества». Широкое расследование всего дела о засилии ниточного

⁸⁷ Там же, д. 190, л. 31.

⁸⁸ Там же, лл. 1—3.

⁸⁹ Там же, л. 4.

рынка английской монополией, — заявлял Гурьев, — покажет всему обществу, что «англичане третируют русских наравне с кафрами и зулусами».⁹⁰

На это письмо Петербургская ниточная мануфактура не получила никакого ответа. Тогда А. Н. Гурьев обратился в июле 1908 г. с письмом, разоблачавшим монополию ниточного треста на русском рынке, в Министерство торговли и промышленности. В этом письме указывалось, что только меры правительственного воздействия могут покончить с засильем английской ниточной монополии на русском рынке.⁹¹

Это письмо министерство препроводило правлению Невской ниточной мануфактуры и потребовало объяснений по изложенным в письме вопросам.⁹²

18 июля 1909 г. Б. Миквиц ответил на отношение Министерства торговли и промышленности. Он писал, что для него непонятно, о каком монопольном положении ниточного рынка говорит Гурьев, так как, кроме Невской ниточной мануфактуры, нитки изготовляют и успешно сбывают на русском рынке товарищество Богородско-Глуховской мануфактуры, учрежденное З. Морозовым в Богородске, Никольская мануфактура «Савва Морозов, сын и К⁰» в селе Никольском и товарищество мануфактур Викулы Морозова с сыновьями в селе Никольском. Кроме того, нитки производят мелкие фабриканты Москвы и Польши и ввозят из Германии и Бельгии.⁹³

На этом вся деятельность правительства по расследованию монополии английского ниточного треста была прекращена. Царское правительство несомненно знало о существовании ниточного треста в России с момента его основания, но оно, неизменно руководствуясь политикой свободного допуска и привлечения иностранных капиталов в русскую промышленность, относилось к его существованию покровительственно. Ниточный трест беспрепятственно расширял свою деятельность. К 1916—1917 гг. деятельность его конкурентов еще более сократилась. Невская ниточная мануфактура увеличила капитал до 30 млн р. В начале 1918 г. она производила 75% всех выпускаемых в России ниток.⁹⁴

Петербургская ниточная мануфактура обеспечила себе рынок сбыта только потому, что, не сумев заключить соглашение с трестом, она заключила его с мощной американской фирмой швейных машин «Зингер», которая вместе с машинами распространяла

⁹⁰ Там же, лл. 5—11 об.

⁹¹ Там же, лл. 43—48 об.

⁹² Там же, л. 49—49 об.

⁹³ Там же, лл. 50, 51.

⁹⁴ Там же, оп. 3, л. 4—4 об.

и нитки Петербургской ниточной мануфактуры, наклеивая на них свою марку. В 1916 г. товарищество наполовину работало на нужды обороны. В 1917 г. оно увеличило основной капитал до 7 млн р.⁹⁵

О силе треста говорит хотя бы такой факт, что даже такой мощный конкурент треста, как Богородско-Глуховская мануфактура, вынужден был заключить с трестом соглашение, несмотря на упорное восьмилетнее сопротивление, в течение которого Невской ниточной мануфактурой неоднократно ставился даже вопрос о покупке ниточного дела всех трех Морозовых. Филиппи в письмах к Миквицу неоднократно требовал создания «общности интересов» Морозовых и Невской ниточной мануфактуры и указывал, что это даст обоим возможность защитить себя от аутсайдеров и обеспечить нынешние большие прибыли, а может быть, и увеличить их.⁹⁶

Переговоры несколько раз прекращались, пока, наконец, в 1913 г. не закончились соглашением, по которому Невская ниточная мануфактура становилась продавцом товаров Богородско-Глуховской мануфактуры, причем размер производства этих товаров последней был строго ограничен. Филиппи в письме к Миквицу от 28 ноября 1913 г. сообщал, что он получил перевод соглашения с Н. Морозовым и очень доволен его содержанием. Тут же Филиппи требовал от Миквица, чтобы в отношениях к Богородско-Глуховской мануфактуре он был либеральным и уступчивым в вопросах, имеющих малое значение, но ни в коем случае не уступал в самом главном — в требованиях Н. Морозова большей доли в производстве.⁹⁷

Так ниточный трест расправился со своими главнейшими конкурентами. Все остальные — мелкие бумагокрутильные фабрики — всегда согласовывали свои действия с ниточным трестом и не представляли для него никакой опасности. Так, 11 мая 1913 г. Московская бумагокрутильная фабрика «Л. Лури и К^о» в письме к Невской ниточной мануфактуре с сожалением писала о том, что трест считает ее своим конкурентом и поэтому запретил акционерному обществу «Гергард и Гей» продавать ее изделия. В письме указывалось, что бумагокрутильная производит только ту пряжу, которую выделывают все мелкие московские бумагокрутильные фабрики, а швейных ниток не производит совсем.⁹⁸

Результаты деятельности английского ниточного треста в России для развития ниточного производства в стране были очень

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 829, лл. 85, 92.

⁹⁶ ГИАЛО, ф. 1436, оп. 1, д. 334, л. 170.

⁹⁷ Там же, лл. 301—302.

⁹⁸ Там же, лл. 112, 114, 222—223.

тяжелыми. За время проникновения английского ниточного треста на русские рынки им были ликвидированы 2 крупные ниточные фабрики (акционерного общества «Заверце» в Польше и Жукова в Петербурге) и поглощены 5 из 6 возникших крупных бумагопрядильных и ниточных фабрик (Невская бумагопрядильная, Кениг и Невская ниточная мануфактура в Петербурге, общество Рижских бумажных мануфактур в Страденгофе и Лодзинская ниточная мануфактура). Почти весь рынок сбыта ниточного товара в России находился в руках ниточного треста. Морозовские мануфактуры сбывали свой товар через торговцев мануфактурой, а Петербургская ниточная мануфактура — через фирму «Зингер», а позже — непосредственно казне. Весь галантерейный и суровский торг ниточным товаром находился в руках треста.

Трест, монополизировавший производство и продажу ниток в России, зорко следил за тем, чтобы ни один русский специалист не смог изучить техники ниточного дела. Все мастера и управляющие фабрик треста являлись англичанами. Таким образом, трест, монополизировав технику ниточного дела, искусственно направлял развитие техники ниточного производства в удобном ему направлении сохранения прибыльных цен. К 1908 г., например, в странах Запада для удешевления ниток, являвшихся предметом первой необходимости, начали производить нитки не из 6, а из 4 концов пряжи. Это сокращало издержки производства и стоимость ниток на 20—25%, но требовало соответственного переоборудования производства.⁹⁹ Трест сохранил высокие цены на нитки и не перешел к производству более дешевых ниток.

Став препятствием на пути развития ниточного производства в России и совершенствования его техники, сделав ниточное производство в России монополией, трест вывез из России многомиллионные прибыли в качестве дивидендов. Дивиденды ниточных предприятий треста в различные годы его существования колебались от 15 до 20%.

История образования и деятельности ниточного треста является яркой иллюстрацией той роли, которую сыграл иностранный капитал в экономике России в период империализма. Она заключалась в полном захвате данной отрасли производства, в эксплуатации рабочего класса и национальных богатств и в вывозе из страны многомиллионных прибылей.

И табачный, и ниточный тресты, как и другие монополистические организации, оказывали задерживающее влияние на развитие соответствующих отраслей промышленности России. Они ограничивали размеры производства, тормозили технический про-

⁹⁹ Там же, д. 190, лл. 43—48 об.

гресс, закрывали новые предприятия, возникшие в этих отраслях промышленности, и хищнически, в целях получения максимальных прибылей, эксплуатировали национальные богатства страны.

Но в то же самое время это всестороннее обобществление производства монополиями создало материальные предпосылки для победы Великой Октябрьской социалистической революции.

На основе петроградских предприятий табачного треста после Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде был создан табачный трест. Предприятия ниточного треста были объединены в Петроградский ниточно-трикотажный трест.